Влюбленные в книги не спят в одиночестве

Автор:
Аньес Мартен-Люган

Влюбленные в книги не спят в одиночестве

Аньес Мартен-Люган

Когда роман “Счастливые люди читают книжки и пьют кофе” появился в интернете, молодая француженка Аньес Мартен-Люган мгновенно стала знаменитой. В одной только Франции книга разошлась тиражом более 300 тысяч. Ее перевели в 18 странах, а права на экранизацию приобрел знаменитый Харви Вайнштейн, продюсер фильмов Тарантино, “Влюбленного Шекспира”, “Властелина колец”.

И вот наконец долгожданное продолжение бестселлера. Диана, героиня обоих романов, возвращается из Ирландии, где молчаливый красавец Эдвард и его семья помогли ей справиться с горем после тяжелой утраты. В Париже она с увлечением занимается своим литературным кафе, и в ее жизни появляется человек, с которым она готова начать все заново. Однако случайная встреча на фотовыставке заставляет ее понять, что за год она так и не сумела забыть Эдварда, и Ирландия вновь обретает над ней власть. Хватит ли у Дианы смелости пойти до конца?

Аньес Мартен-Люган

Влюбленные в книги не спят в одиночестве

© Editions Michel Lafon, Paris 2015

© Nicolas Reitzaum, cover photo, 2015

© Н. Добробабенко, перевод на русский язык, 2015

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2015

© ООО “Издательство АСТ”, 2015

Издательство CORPUS ®

* * *

Моим троим мужчинам

Нормальное окончание траура – это никоим образом не забвение ушедшего, а обретенная наконец возможность поместить его на то место в завершившейся истории, которое принадлежит ему по справедливости, способность вновь в полной мере участвовать в жизни, строить планы и испытывать желания, придающие смысл существованию.

Моника Бидловски

Ребенок, которого я вижу во сне

Don’t worry. Life is easy[1 - Не волнуйся. Жизнь легка (англ.).].

AaRon

Little love

Глава первая

Как я могла в очередной раз поддаться на Феликсовы уговоры? Ему, как всегда, каким-то чудом удалось подловить меня – вечно он находит нужный довод

или стимул, и я поступаю так, как он считает нужным. Снова и снова позволяю заморочить себе голову, убеждая себя, что в его предложении, возможно, что-то есть. А ведь я знаю Феликса как облупленного, и для меня не секрет, что наши вкусы и пристрастия диаметрально противоположны. Поэтому, строя планы и принимая за меня решения, он неминуемо попадает пальцем в небо. Мы дружим столько лет, что пора бы это усвоить. В результате я провела уже шестой субботний вечер в компании законченного идиота.

На прошлой неделе на меня свалился фанат экологически чистых продуктов и здорового образа жизни. Можно подумать, что у Феликса случился провал в памяти и он позабыл о вредных привычках своей лучшей подруги. Вот и пришлось мне весь вечер выслушивать поучения по поводу моего пагубного пристрастия к табаку, алкоголю и нездоровому питанию. Этот йог в шлепанцах абсолютно бесстрастным тоном оповестил меня о том, что мой образ жизни – сплошная катастрофа, мне грозит бесплодие и я наверняка подсознательно заигрываю со смертью. По всей видимости, Феликс не снабдил его информацией обо мне. Поэтому я одарила неудачливого претендента самой обворожительной улыбкой и сообщила, что действительно обладаю кой-какими познаниями о смерти и порывах к самоубийству, после чего покинула его.

Вчерашний придурок выступал в другой стилистике: довольно привлекательный, импозантный и совсем не любитель поучать. Его недостаток, впрочем вполне увесистый, заключался в уверенности, что ему удастся быстро затащить меня в койку с помощью рассказов о своих подвигах в компании любовницы по имени GoPro. “Этим летом мы с моей GoPro спустились по ледяной горной реке… Этой зимой мы с моей GoPro практиковались в могуле… Я принимал душ со своей GoPro… Знаешь, я тут на днях проехался в метро с моей GoPro…” И так далее. Это продолжалось уже больше часа, и он не мог произнести ни фразы без упоминания своей обожаемой экшн-камеры. В конце концов я задалась вопросом, не ходит ли он с ней в туалет.

– Куда я хожу со своей GoPro? Я, наверное, что-то не так понял, – резко прервал он рассказ.

О черт… Получается, я подумала вслух. Мне надоела роль стервы, которая не способна проявить интерес к тому, что ей рассказывают, и недоумевает,

что она здесь делает, поэтому я решила содрать пластырь с раны одним решительным движением.

– Послушай, ты очень милый, но у тебя слишком серьезные отношения с твоей камерой, и я не хочу в них вторгаться. Я обойдусь без десерта, а кофе выпью у себя.

– Да в чем проблема?

Я поднялась, он тоже. Прощаясь, я только помахала рукой и направилась к кассе: я не настолько одичала, чтобы повесить на него оплату счета за провальное свидание. Я бросила на него последний взгляд и с трудом подавила безумный смех. Сейчас я бы сама не отказалась от GoPro, чтобы запечатлеть всю гамму чувств, отразившуюся на его лице. Бедняга…

Назавтра меня разбудил телефон. Кто позволил себе нарушить мой священный и неприкосновенный воскресный сон до полудня? Бессмысленный вопрос!

– Да, Феликс, – пробурчала я в трубку.

– Итак, победу одержал..?

– Заткнись.

Его хихиканье действовало мне на нервы.

– Жду тебя через час, сама знаешь где, – с трудом выговорил он сквозь смех и повесил трубку.

Сидя в постели, я сладко потянулась, словно разнежившаяся кошка, и взяла часы. 12:45. Могло быть и хуже. В будни я без проблем вставала рано, чтобы открыть утром “Счастливых людей”, но нуждалась в долгом воскресном сне для восстановления сил и очищения мозгов от забот и тяжелых мыслей. Сон оставался моим тайным прибежищем – он растворял, смягчал и большую печаль, и мелкие проблемы. Я встала, подошла к окну и с радостью убедилась, что погода будет отличной: парижская весна явилась на свидание.

Собравшись, я хоть и с трудом, но удержалась и оставила дома ключи от “Счастливых”: сегодня воскресенье, а я пообещала себе, что не буду заглядывать туда в выходные. Я не торопясь прогулялась до улицы Аршив. Я лениво брела, рассматривая витрины, затягиваясь первой за день сигаретой, махала рукой идущим навстречу постоянным клиентам “Счастливых людей”. Когда я подошла к террасе нашего воскресного кафе, Феликс грубо разрушил мирное очарование:

– Где ты шлялась? Меня чуть не выгнали из-за нашего столика!

– Здравствуй, мой драгоценный Феликс. – Я запечатлела звучный поцелуй на его щеке.

Он прищурился:

– Слишком ты ласковая, наверняка что-то от меня скрываешь.

– Вовсе нет! Расскажи, что ты делал вчера вечером. Когда вернулся?

– Когда звонил тебе. Я есть хочу, давай заказывать!

Он жестом подозвал официанта и попросил принести бранч. Это его новая заморочка. Он решил, что после субботних ночных безумств полноценная утренняя еда восстанавливает лучше, чем разогретый кусок подсохшей пиццы. С тех пор он требует, чтобы я всегда присутствовала при действе и с восхищением наблюдала, как он поглощает яичницу с белым хлебом и сосиски, запивая литром апельсинового сока, который призван погасить пылающий костер похмельной жажды.

Как всегда, я удовольствовалась остатками из его тарелки – он напрочь лишал меня аппетита. Мы курили, развалившись на стульях и глядя друг на друга и на окружающий мир сквозь солнечные очки.

– Ты поедешь к ним завтра?

– Как обычно. – Я улыбнулась.

– Поцелуй их от меня.

– Договорились. Ты там больше никогда не бываешь?

– Нет, уже не испытываю потребности.

– Подумать только! Раньше я туда ни ногой!

Теперь по понедельникам это стало моим ритуалом. Я навещаю Колена и Клару. И не важно, идет ли дождь, или снег, или дует свирепый ветер, я отправляюсь на свидание с ними. Мне нравится рассказывать им, как прошла неделя, всякие мелкие истории про “Счастливых людей”… С тех пор как я стала ходить на организованные Феликсом встречи, я описывала Колену все подробности своих злополучных свиданок. Мне казалось, я слышу его смех, и я тоже смеялась вместе с ним, как если бы мы были сообщниками. Доверительно общаться с Кларой было сложнее. Моя дочь, воспоминания о ней всегда утягивали меня в бездну боли. Машинально я поднесла руку к шее: именно во время одной из таких встреч с Коленом я сняла с шейной цепочки обручальное кольцо. Сняла окончательно и бесповоротно.

Вот уже несколько месяцев у меня на шее ничего нет. В тот раз я объяснила Колену, что поразмышляла и решила не отказываться от предложенных Феликсом свиданий.

– Любимый мой… ты здесь… ты навсегда останешься здесь… но ты ушел, ты далеко и никогда не вернешься… Я смирилась… и хочу попытаться, знаешь…

Я вздохнула, постаралась проглотить слезы, покрутила пальцами обручальное кольцо.

– Оно становится слишком тяжелым…. Я знаю, ты не обидишься… Мне кажется, я готова… Я сниму его… Чувствую, что исцелилась от тебя… Всегда буду тебя любить, это никогда не изменится, но теперь все по-другому… Я научилась жить без тебя…

Я поцеловала могильный камень и расстегнула цепочку. Слезы градом покатились из глаз. Я изо всех сил сжала кольцо в кулаке. Потом встала с колен.

– До следующей недели, дорогие мои. Клара, милая… Мама… мама любит тебя.

Я ушла не обернувшись.

Феликс прервал мои воспоминания, похлопав по бедру:

– Давай погуляем, погода хорошая.

– Пошли!

Мы отправились на набережные. Как каждое воскресенье, Феликс захотел отклониться от маршрута и перейти по мосту на остров, чтобы поставить в Нотр-Дам свечку. “Я должен замаливать грехи”, – оправдывался он. Но меня не проведешь: жест адресовался Кларе и Колену – так он поддерживал связь с ними. Пока Феликс совершал свое традиционное паломничество, я терпеливо дожидалась его на улице – наблюдала за туристами, которых атаковали голуби. Я успела выкурить сигаретку, после чего получила возможность насладиться ремейком сцены “Смерть мамы Амели Пулен”[2 - В знаменитом фильме “Амели” мать героини погибла оттого, что ей на голову с вершины собора Нотр-Дам свалилась туристка-самоубийца из Канады. (Здесь и далее – прим. перев.)] в блистательном, достойном “Оскара” исполнении Феликса – особенно впечатлял крик! Затем великий актер подошел ко мне, обнял за плечи, приветствовал воображаемых зрителей, впавших в экстаз, и повел меня в направлении нашего любимого квартала Маре и суши-бара, который мы всегда посещали воскресным вечером.

Феликс пил саке. “Клин клином вышибают”, – любил он повторять. Я же довольствовалась пивом “Циндао”. Между двумя роллами он перешел в атаку и потребовал отчета. Много времени мне не понадобится!

– А что тебя не устроило со вчерашним?

– Камера на лбу!

– Вау! Чертовски возбуждает.

Я с удовольствием отвесила ему подзатыльник.

– Когда ты уже усвоишь, что у нас разные сексуальные пристрастия?

– Ну и зануда ты, – простонал он.

– Пошли домой? Кино на TF1 ждать не будет.

Феликс проводил меня до двери дома, где на первом этаже располагались “Счастливые люди”, а наверху моя студия, и, по своему обыкновению, до хруста сжал в объятиях.

– Хочу тебя кое о чем попросить, – сказала я, не отстраняясь.

– О чем?

– Пожалуйста, перестань изображать Meetic[3 - Французский сайт знакомств.], меня уже достали эти угробленные субботние вечера. Просто руки опускаются!

Он оттолкнул меня:

– Нет, не перестану. Хочу, чтобы ты встретила хорошего человека, симпатичного, такого, с кем будешь счастлива.

– Ты мне подсовываешь каких-то клоунов, Феликс! Я сама сумею разобраться.

Он впился в меня взглядом:

– Все еще не можешь забыть своего ирландца?

– Не болтай глупости! Напоминаю, я вернулась из Ирландии год назад. Разве я с тех пор хоть раз упомянула Эдварда? Нет! Он здесь ни при чем. Это старая

история, и она давно закончилась. Я не виновата, что ты меня знакомишь с шутами гороховыми.

– О’кей, о’кей! Оставлю тебя в покое на некоторое время, но постарайся сама быть поактивнее, встречайся с людьми. Ты знаешь не хуже меня: Колен хотел бы, чтобы в твоей жизни кто-нибудь появился.

– Знаю. Я так и собираюсь… Спокойной ночи, Феликс. До завтра! Завтра тот самый День!

– Йес!

Я поцеловала его так же смачно, как несколько часов назад, и вошла в дом. Вопреки настойчивым увещеваниям Феликса, я отказывалась переезжать. Мне нравилось жить над “Счастливыми людьми”, в своей маленькой студии. Тут я оставалась в гуще событий, и меня это устраивало. Но главное, именно здесь я самостоятельно, без чьей бы то ни было помощи, поднялась из руин. На пятый этаж я пошла по лестнице, проигнорировав лифт. Дойдя до двери, прислонилась к ней и удовлетворенно вздохнула. Несмотря на финальный разговор, я отлично провела время с Феликсом.

Вопреки его представлениям, я никогда не смотрела фильмы на TF1. Я включала музыку – сегодня это был Асгейр, King and Cross – и приступала к тому, что окрестила своим “спа-сеансом по выходным”. Недавно я решила, что пора ухаживать за собой, а что может быть лучше воскресного вечера для маски, пилинга и других штучек, уважаемых девушками?

Полтора часа спустя я вышла наконец из ванной. От меня вкусно пахло, и кожа была нежной и гладкой. Я налила себе последнюю за день чашку кофе и уютно устроилась на диване. Закурила и позволила мыслям бесцельно блуждать.

Феликс так никогда и не узнал, что заставило меня отодвинуть Эдварда в самый дальний угол памяти и больше не думать о нем.

После возвращения из Ирландии я ни с кем из них не общалась – ни с Эбби и Джеком, ни с Джудит, ни в особенности с Эдвардом. Естественно, я по нему тосковала. Воспоминания, иногда счастливые, иногда мучительные, накрывали меня волнами. Но время шло, и для меня становилось все очевиднее, что я никогда больше не поинтересуюсь, как живут мои ирландцы: все они и в частности он. Какой смысл, ведь все было так давно, больше года уже прошло… И все-таки…

Примерно полгода назад, зимним воскресеньем, когда на улице лило как из ведра, а я оставалась одна дома и занималась разборкой шкафа, я наткнулась на коробку, в которую сложила наши фотографии, сделанные на Аранских островах. Я ее открыла и поплыла, увидев его лицо впервые после такого долгого перерыва. Словно в остром приступе помешательства, я бросилась к мобильнику, нашла в контактах номер и нажала на кнопку вызова. Хотела, нет, должна была узнать, как он там. После каждого гудка я была готова сбросить вызов, разрываясь между боязнью услышать его голос и всепоглощающим желанием возобновить наши отношения. А потом включился автоответчик – только имя, произнесенное хриплым голосом, и звуковой сигнал. Я пролепетала что-то вроде “Э-э-э… Эдвард, это я… Это Диана. Я позвонила… позвонила, чтобы узнать… э-э-э… как ты поживаешь… Перезвони мне… Пожалуйста”. Нажав на иконку, я подумала, что сделала ужасную глупость. Я металась по комнате и грызла ногти. Желание узнать, как его дела, помнит он обо мне или нет, терзало меня, намертво приклеив к телефону до конца дня. Настолько, что я даже повторила попытку после десяти вечера. Он не ответил. Назавтра, проснувшись, я ругала себя последними словами, поняв всю смехотворность своего поступка. Случившаяся со мной вспышка безумия помогла мне осознать, что нет и не будет больше Эдварда. Останется лишь краткий, но важный эпизод в моей жизни. Эдвард возник на моем пути, чтобы освободить меня от обязательства хранить верность Колену. И вот сегодня я освободилась и от него тоже. Отныне я готова вернуться к людям.

Глава вторая

Открыв глаза в понедельник утром, я наслаждалась значимостью наступившего дня. Сегодня вечером я лягу спать единственной владелицей кафе “Счастливые

люди читают книжки и пьют кофе”.

После возвращения из Ирландии я несколько недель не решалась встретиться с родителями. Не было ни малейшего желания спорить с ними и выслушивать замечания по поводу моего образа жизни. Но когда я наконец позвонила им и они пригласили меня на ужин, я ответила согласием. В родительском доме я сразу ощутила дискомфорт, как всегда, когда приходила к ним. У нас не получалось нормально общаться. Отец все время молчал, а мы с матерью произносили ничего не значащие фразы и безуспешно пытались найти хоть какую-то общую тему. За столом отец наконец-то решился заговорить со мной.

– Как идут дела? – усмехнулся он.

Его тон и то, как упорно он отводил взгляд, насторожили меня.

– Положение постепенно выправляется. Надеюсь, через два месяца мы будем в плюсе. У меня есть идеи насчет развития бизнеса.

– Не морочь голову. Что ты понимаешь в бизнесе?! После смерти Колена мы не раз напоминали тебе, что все дела вел он. В дополнение к своим адвокатским обязанностям.

– Я учусь, папа! Я хочу добиться успеха, и добьюсь его!

– Ты на это не способна, потому-то я и намерен взять все в свои руки.

– Могу я узнать, как ты планируешь это сделать?

– Поскольку я сомневаюсь, что тебе удастся найти человека, который будет решать все проблемы за тебя, я найму управляющего. Надежного, серьезного. Если хочешь продолжать изображать из себя официантку, ничего не имею против. Будет чем заняться.

– Папа, я не совсем понимаю…

– Судя по выражению твоего лица, ты все прекрасно понимаешь. С детскими играми покончено!

– Ты не имеешь права!

Я вскочила из-за стола, опрокинув стул.

– “Счастливые люди” – мои!

– Нет, “Счастливые люди” наши!

Я внутренне кипела, но, честно говоря, знала, что это правда. Именно они настоящие владельцы “Счастливых людей”: когда-то они извлекли чековую книжку, чтобы подарить мне поле деятельности, и Колен их активно поддержал.

– Если тебя это развлечет, можешь устроить сцену, – продолжил он. – Даю тебе три месяца, а потом буду действовать.

Я ушла, хлопнув дверью. Именно в этот момент я поняла, что изменилась, стала более твердой и сильной. В старые времена я бы растерялась и провалилась в очередную депрессию. На этот раз я ощущала в себе решимость, и у меня имелся план. Они тогда не знали, что я уже ввязалась в бой.

Я начала с установки в кафе бесплатного вай-фая. Это привлекло студентов, и некоторые из них всю вторую половину дня занимались у меня в дальнем зале. Я снизила цены на кофе и пиво, что сделало этих ребят нашими постоянными клиентами. Большинство в результате привыкли покупать у меня книги, потому что им было известно: я расшибусь в лепешку, но раздобуду биографию, которая вытянет их реферат. Дали результат и регулярные часы работы: теперь я ежедневно открывала кафе в один и тот же час, не то что во времена, когда у штурвала стоял Феликс. Это помогло мне создать атмосферу доверия, потому что никто больше не натыкался на запертую дверь.

В течение дня имели место три легко предсказуемых пика: по утрам наплыв желающих выпить кофе перед работой, в полдень пора обеда – правда, любители литературы зачастую забывали о еде, углубившись в новый роман, –

наконец, вечером, после работы, стартовал час аперитива: клиенты обычно выпивали у стойки и заодно иногда покупали книгу в мягком переплете, призванную скрасить одинокий вечер в четырех стенах. Что до тематических встреч, то я предоставила Феликсу полную свободу действий. Как организатор и ведущий он не имел себе равных. Всякий раз ему удавалось неизвестно где раскопать очередного неподражаемого докладчика – предельно эрудированного, тонкого знатока заявленной темы, заводного и так заводящего аудиторию, что алкоголь лился рекой. В результате участники расходились, унося под мышкой по нескольку книг и слегка недоумевая, о чем же была дискуссия. А чаевые Феликса сводились к обещанию знойных ночей. Я никогда не присутствовала на этих вечерах, это была Феликсова епархия, моменты, когда он мог вволю развлечься, а я закрывала глаза на его специфическую аудиторию.

В мои намерения входило превратить “Счастливых” в дружелюбный, теплый дом, открытый для всех посетителей и всех типов и жанров литературы. Я была готова давать советы читателям, чтобы они могли получить удовольствие – выбрать то, что их интересует, и при этом не испытывать чувства неловкости. И не важно, привлек ли человека роман, получивший литературную премию, или культовое бульварное чтиво, – имеет значение лишь желание прочесть, что хочется, не стыдясь своих литературных вкусов. Для меня чтение всегда было радостью, и я стремилась помочь посетителям моего кафе тоже ощутить ее. Пусть самые неподатливые откроют для себя радость чтения и насладятся им в полной мере. На моих полках сосуществовали вперемешку все стили и жанры: детектив, классика, любовный роман, поэзия, молодежная литература, мемуары, бестселлеры и более рискованные тексты. На этом развале мы все встречались – Феликс, завсегдатаи кафе и я. Я обожала охоту за сокровищами, и поиски Той Самой Книги неизменно вызывали восторг. Новых клиентов в правила игры посвящали те, кто уже к ней приобщился.

Сегодня “Счастливые люди” были залогом моего душевного равновесия. Они позволили мне вынырнуть и удерживаться на поверхности, заново организовать мою жизнь в Париже, осознать, насколько благотворно действует на меня работа, доказать самой себе, что я в состоянии что-то сделать, пусть мои родители и не хотят в это верить. Благодаря “Счастливым” я научилась жить в социуме, стала независимой женщиной, которая работает, сама себя обеспечивает и за себя отвечает. Мне надо было лишиться самого дорогого, чтобы понять, как я привязана к этому месту, к этим стенам. Вот уже год, как я

трудилась без отпуска, не могла ни на полдня покинуть “Счастливых” и была уверена, что никогда больше не позволю Феликсу в одиночку заниматься моим кафе.

Единственная неудача нашего бизнеса объяснялась не нехваткой клиентуры, в этом провале была виновата я, и только я. Меня осенила идея проводить по средам детские чтения. Феликс поддержал мое начинание: он знал, что я без ума от детской литературы. Мы напечатали рекламные листовки и распространили их в окрестных школах, домах детского творчества и т. п. Я пополнила запасы напитков и сладостей и в особенности детских книг. И вот назначенный день настал. Когда звякнул колокольчик в дверях и в кафе, робея, стали заходить мамы со своим потомством, я сбежала, скрылась за барной стойкой. Стоя за ней, я направила гостей в маленький зал в глубине кафе. Попросила Феликса проследить, чтобы все расселись, пока я курю на улице. Поскольку я не торопилась возвращаться, он вышел за мной и сказал, что ждут только меня – это мероприятие должна была вести я. Я появилась перед своими гостями на подгибающихся ногах, а когда приступила к чтению “Дня синей собаки”, не узнала собственный голос.

Я поняла, что допустила серьезную ошибку, когда ко мне приблизился трехлетний мальчик. Я остановила на нем взгляд, отпрянула и задрожала. Мне безумно захотелось, чтобы это была Клара, чтобы она подошла ко мне и вскарабкалась на колени. Она бы рассматривала картинки, а я бы зарылась носом в ее волосы. Книга выпала у меня из рук, и я позвала на помощь Феликса. Он сразу сориентировался и бросился меня спасать: подхватил эстафету, начал всех смешить, а я помчалась наверх и заперлась в своей квартире. Остаток дня и всю ночь я провела, завернувшись в одеяло, рыдала и вопила в подушку, звала Клару.

Назавтра книги были отосланы издателям. Этот кризис дал мне понять, что я никогда не оправлюсь от потери дочки. Я могу излечиться от Колена, от нее – нет. Никогда никакой ребенок больше не войдет ни в мою жизнь, ни в “Счастливых” – в тот день это стало для меня очевидным.

Несмотря на эту неприятную историю, я приняла окончательное решение. Договорилась о встрече в банке, чтобы разобраться со страховкой Колена. Он все предусмотрел, чтобы я ни в чем не нуждалась. Я не собиралась и дальше транжирить эти деньги, их нужно использовать на что-то важное, что-то такое,

что порадовало бы его. Я обязана осуществить проект, достойный моего мужа, и вот такой проект нашелся: я выкуплю “Счастливых” у родителей.

Великий день наступил: битва с родителями, которая в последние месяцы не прекращалась, вплотную приблизилась к финалу. Главное событие понедельника не заставило меня отменить посещение Колена и Клары. Улыбаясь и высоко подняв голову, я шагала по дорожкам кладбища. Положив на могилу охапку белых роз, я встала на колени, извиваясь и стараясь не выглядеть смешной, – дело в том, что по случаю подписания документов я надела узковатое черное платье и высокие каблуки, чего не делала целую вечность. Родители наверняка охарактеризовали меня нотариусу как безответственную и депрессивную особу, и мне было важно доказать, что это не так.

– Любимый мой, сегодня особый день! Этим вечером мы окажемся в собственном доме. Надеюсь, ты гордишься мной и знаешь, что я сделала это ради вас двоих. А поскольку я все делаю с размахом, после подписания мы как следует отпразднуем это с Феликсом! Когда я ему сообщила о своем плане, мне показалось, что он расплачется от радости. Жизнь берет свое… это так странно… Все, мне пора, меня ждут на раздаче автографов! Я люблю вас, мои родные! Клара… мама… с тобой.

Я прикоснулась губами к могильному камню и покинула кладбище.

Чтение документов у нотариуса прошло в атмосфере спокойствия и тишины. И вот настал великий момент. Я так дрожала, что сумела поставить подпись только со второй попытки. Эмоции захлестывали: мне все удалось, и я думала только о Колене и о том, кем стала. Когда я садилась на место, мои глаза наполнились слезами. Я натолкнулась на ничего не выражающий взгляд матери. Потом нотариус протянул мне листок бумаги, удостоверяющий мое право собственности. Акт, в котором черным по белому было написано, что я бездетная вдова. Он вежливо попрощался с нами. Оказавшись на улице, я обернулась к родителям в ожидании какой-то реакции, сама не знаю какой.

– Мы не верили, что ты пойдешь до конца, – сказал отец. – Хотя бы раз в жизни постарайся все не испортить.

– Это не входит в мои намерения.

Я обернулась к матери. Она подошла, поцеловала меня, и в поцелуе было больше тепла, чем обычно.

– Я не сумела быть такой матерью, какая тебе нужна, – шепнула она мне на ухо.

– Меня это огорчает.

– А меня приводит в отчаяние.

Мы посмотрели друг другу в глаза. Меня потянуло спросить “почему?”. Но по выражению ее лица я поняла, что ей не выдержать мои вопросы и упреки. Я будто видела, как панцирь матери покрывается трещинами, словно она вдруг научилась испытывать угрызения совести. Не слишком ли поздно? Отец взял ее за руку и сказал, что пора. В качестве моральной поддержки прозвучало скупое “до скорого”. Они ушли в одну сторону, я – в другую. Я надела солнечные очки и направилась к своим “Счастливым людям”, которые читают книжки и пьют кофе. По бульвару Себастополь я добралась до улицы Риволи, не срезая дорогу переулками, потому что меня сейчас тянуло на проспекты и бульвары, я хотела пройти мимо мэрии, потолкаться на тротуаре возле BHV[4 - Большой парижский универмаг.]. Когда я наконец свернула налево на улицу Вьей-дю-Тампль, до дома оставалось не больше сотни метров. Зазвенел колокольчик над дверью, и я подумала, что Феликс расставил тайных агентов вдоль всего моего маршрута – пробка шампанского хлопнула, как только я переступила порог. Шампанское выплеснулось на стойку. Он пренебрег бокалами и протянул мне бутылку:

– Ты сделала это!

Я выпила из горлышка. Пузырьки защекотали нёбо.

– Блин! Как подумаю, что ты теперь моя хозяйка!

– Супер!

– Ты в этой роли больше меня устраиваешь, чем твой отец, – заявил он, отнимая у меня бутылку.

– Феликс, ты всегда будешь моим любимым компаньоном.

Он прижал меня к груди и сделал солидный глоток шампанского.

– Черт, щиплет! – воскликнул он, выпуская меня из объятий; его глаза заблестели.

– Давай быстренько продолжим праздник!

Я не стала тратить время, чтобы подняться в квартиру и переодеться. Просто стерла лужицу шампанского со стойки и закрыла кафе. Феликс увлек меня в путешествие по окрестным барам. Его здесь все знали, он появлялся в каждом заведении этаким эксклюзивным гостем, чьи вкусы известны; к тому же правильные коктейли были заказаны заранее. Потому что мой лучший друг все предусмотрел и тщательно подготовился к этому вечеру. Все его любовники и воздыхатели охотно уступали мне место: раз Феликс любит меня, значит, обо мне нужно заботиться. Наш путь был отмечен встречами с разными чудаками, красными ковровыми дорожками, россыпью блесток и цветами в моих волосах. Все было сделано для того, чтобы я на один вечер почувствовала себя принцессой. Безумная атмосфера, созданная Феликсом, пьянила меня едва ли не больше, чем весь поглощаемый алкоголь.

Подошло время ужина. Мы отправились в тапас-бар, хотя тамошние закуски уж точно не могли нейтрализовать выпитое нами. Места у стойки были зарезервированы. Феликсу хорошо известно, что я предпочитаю высокие стулья, с которых удобно незаметно наблюдать за происходящим вокруг.
Нас дожидалась открытая бутылка красного вина. Феликс поднял бокал:

– За твоих родителей, которые перестанут тебя доставать!

Я не ответила и сделала первый глоток – вино оказалось крепким, мощным, точно соответствующим моменту, который я переживала.

– У меня больше нет семьи, Феликс…

Он не нашел что ответить.

– Ты понимаешь? Больше ничего не связывает меня с родителями, и у меня нет ни братьев, ни сестер. Колен и Клара ушли. Ты – все, что у меня осталось. Моя семья – это ты.

– С момента нашей встречи в универе мы всегда были парой, ничто и никогда это не изменит.

– Мы всё делали вместе!

– Почти всё. Мы не спали вместе!

Жуткое видение для нас обоих! Он сунул два пальца в рот, изображая рвотный рефлекс, я повторила его жест. Детский сад!

– С другой стороны, если ты изменишь мнение насчет детей, но не найдешь подходящего парня, я могу сыграть роль банка спермы. Я этого детеныша научу, как правильно жить.

Я едва не подавилась вином, а он расхохотался.

– Как тебе только могла прийти в голову подобная околесица?

– Мы стали сентиментальными, а это действует мне на нервы.

– Ты прав! Я хочу танцевать, Феликс.

– Твои желания – закон.

Мы проскочили огромную очередь и без задержки попали в клуб – у Феликса имелись свои ходы. Не обращая внимания на шокированное выражение моего лица, он смачно поцеловал в губы вышибалу. Последний раз я видела его в таком состоянии на своем девичнике накануне свадьбы! В VIP-зоне нас ожидала полуторалитровая бутылка шампанского. Выпив единым духом два

бокала, я выскочила на танцпол. Выплясывала с закрытыми глазами, чувствовала себя живой, помолодевшей на десять лет; с меня как будто смыли все горести и разрешили радоваться жизни.

– Я с ними договорился, – шепнул мне Феликс. – Пользуйся, пока звучит: вечно они повторять ее не будут.

Поднятая двумя парами рук, я взлетела на сцену. Басовая партия и ударные ввели меня в транс. На несколько минут я стала королевой вечера под Panic Station группы Muse. Уже несколько недель я непрерывно слушала эту композицию, окончательно задолбав Феликса. Он даже как-то поймал меня на том, что я в наушниках убираюсь в “Счастливых людях” под эту музыку. А сейчас я заполучила благодарных зрителей и заставила их подхватывать вместе со мной припев:

Ooo, one, two, three, four fire’s in your eyes.

And this chaos, it defies imagination.

Ooo five, six, seven minus nine lives.

You’ve arrived at panic station.

К четырем утра мы по обоюдному согласию решили вернуться в родные пенаты. Возвращение было непростым и малоприятным для всех, кто к этому моменту уже спал. Я никак не могла слезть со своей песни и вопила ее во все горло, а Феликс изображал хор на подпевках. Из-под куртки у него торчала бутылка шампанского, к которой мы по очереди прикладывались, пока он меня провожал до подъезда дома “Счастливых”. Он взглянул на витрину:

– Счастливые люди берут жизнь в свои руки! Ты пришла!

– Обалдеть!

– Сумеешь сама подняться?

– Йес!

Мы расцеловались.

– Спокойной ночи, моя семья, – сказала я.

– Ну что, как-нибудь повторим?

– И не думай!

Я отпустила его и стала отпирать дверь.

– Вообще-то мы завтра закрыты до полудня, так что отсыпайся.

– Спасибо, хозяйка!

Феликс ушел веселым, перспектива долгого сна взбодрила его. Он не знал, что я намерена открыть кафе вовремя.

Пробуждение было ужасным. Приоткрыв один глаз, я нашарила в аптечке большую таблетку парацетамола и тут же проглотила ее. Только после этого я с трудом осилила первую за день чашку кофе, хотя в обычном состоянии, едва открыв глаза, заглатываю ее залпом. Потом я приняла холодный душ, надеясь прояснить разум. Когда я пыталась натянуть обувь, мне пришло в голову, что самая большая моя ошибка не в том, что я предалась безумствам с Феликсом, а в том, что весь вечер провела на высоченных каблуках. Теперь придется отправиться на работу во вьетнамках. В апреле!

Как каждое утро, я сначала забежала в булочную за непременным круассаном и булочкой с шоколадом. Затем открыла “Счастливых” и оставила дверь нараспашку. Легкий утренний сквознячок позволял мне кое-как держаться и не засыпать на ходу, так что придется моим окоченевшим ногам потерпеть. Я включила кофемашину и приготовила себе тройную порцию. Мои обычные утренние клиенты спокойно объявились в кафе и стали медленно просыпаться вместе со мной, перелистывая свежий номер “Паризьен”. Когда первая волна посетителей схлынула, я привела “Счастливых” в порядок, проконтролировала запасы, проверила счета, как делала это уже почти год, и быстренько проглядела последние литературные новости. Я знала, что какое-то время буду спокойна, поскольку до двенадцати Феликс точно не проснется. Пусть насладится свободным утром по полной! Ничего не изменилось, и в то же время

все стало другим. Из битвы с родителями я вышла более взрослой и уравновешенной. Я им больше ничего не должна. И жизнь, моя жизнь, на них не остановится, хотя в душе и сохранилась некоторая горечь.

Глава третья

На закате солнечного дня я стояла, прислонившись к витрине, и курила, и тут объявился клиент. Я глянула на него и подумала, что он у нас раньше не бывал и что Феликс вполне может его обслужить. Когда я вернулась на свой пост, мой компаньон бил баклуши за стойкой, а клиент растерянно изучал книги, дивясь их странному подбору. Я подошла к нему:

– Здравствуйте, могу я вам помочь?

Он обернулся ко мне и помолчал. Я чуть улыбнулась.

– М-м-м… здравствуйте… да я вроде нашел, что искал, – ответил он, беря наугад какую-то книжку. – Но…

– Да?

– Кафе еще открыто?

– Конечно!

– Я бы выпил пива.

Он сел за стойку и наблюдал за тем, как я наливаю кружку, а потом поблагодарил улыбкой и стал что-то набирать на телефоне. Я незаметно наблюдала за ним. Этот мужчина внушал доверие. Он был не лишен обаяния, но я не знала, обернулась бы я вслед или нет, встреть я его на улице. Феликс откашлялся, вернув меня к реальности. Его кривая улыбка действовала мне на нервы.

– В чем дело?

– Могу я уйти до закрытия? Меня ждут…

– Нет проблем, но не забывай, что завтра день поставок, и я не намерена в очередной раз гробить спину.

– А когда?

– В девять утра.

– Можешь на меня рассчитывать.

Он схватил куртку, чмокнул меня в щеку и убежал. Спустя несколько минут моему клиенту позвонили, и, судя по всему, услышанное ему не понравилось. Продолжая говорить по телефону, он допил пиво, встал, взглядом спросил меня, сколько должен. Расплатился и попросил собеседника подождать. Прикрыл рукой микрофон и обратился ко мне:

– Хорошего вам вечера… У вас тут приятное место.

– Спасибо.

Он направился к двери, звякнул колокольчик, он вышел, а я улыбнулась, тряхнула головой и решила закрыть кафе чуть раньше времени.

Назавтра я, естественно, встречала доставку в одиночестве. Чтобы сбросить пар, я позвонила Феликсу. Сработал автоответчик, и я сказала: “Ну и гад ты, Феликс! Опять мне придется горбатиться одной!”

Я тщетно умоляла курьера помочь мне занести коробки в кафе. Ссутулившись, я следила глазами за удаляющимся грузовичком. Потом закатала рукава, подхватила первую – самую маленькую – упаковку и тут услышала:

– Погодите! Я помогу!

Я даже не успела среагировать, а вчерашний клиент уже выхватил у меня из рук коробку.

– Что вы здесь делаете? – спросила я.

– Я живу по соседству. Куда это отнести?

Я проводила его в закуток, где у нас был склад, и продолжила допрос:

– Я раньше никогда вас здесь не видела.

– Ничего удивительного, я переехал три недели назад. Я вас заметил… с самого первого дня… ну, в общем, ваше кафе… Только до вчерашнего вечера мне все не хватало времени, чтобы заглянуть к вам. Ну вот… Остальные тоже сюда нести?

– Нет, оставьте, я сама справлюсь. Вы можете опоздать.

– Да ладно вам, – широко улыбнулся он, снимая куртку и подхватывая следующую коробку.

Он проделал всю работу с головокружительной скоростью: через десять минут припасы были на месте.

– Готово! Как видите, это не заняло много времени.

– Спасибо… У вас найдется еще минутка?

– Да. – Он даже не взглянул на часы.

– Я на пару минут оставлю кафе на вас.

Я помчалась в булочную и купила больше выпечки, чем обычно. Когда я вернулась в “Счастливых людей”, мой потрясающий клиент сидел там, где я его оставила.

– Вас устроит завтрак в качестве компенсации за перенесенные неудобства?

– Если вы будете называть меня по имени и мы перейдем на “ты”!

Я рассмеялась и протянула ему руку:

– Диана.

– Оливье, очень приятно…

– Я тебе по гроб жизни обязана. Давай к столу!

Я зашла за стойку и только тут обратила внимание, что слишком уж широко улыбаюсь. Оливье уселся на барный стул.

– Кофе?

– Он вроде как делает счастливым…

– Чай для этого тоже годится, имей в виду.

– Нет, кофе будет в самый раз.

Завтрак затянулся, мы говорили о нашем квартале и о том о сем… Нам было хорошо. Оливье оказался очень милым и внешне симпатичным – на его смеющиеся карие глаза и ямочки на щеках смотреть было чистое удовольствие. Он сообщил мне, что работает кинезитерапевтом, и тут взглянул на часы.

– Черт! Мой первый пациент.

– О-о-о… мне очень жаль, это я виновата.

– Нет, я. Мне тут нравится. Думаю, я буду часто приходить.

– Для тебя дверь всегда открыта… А теперь беги!

И он убежал.

Меньше чем через пять минут на пороге возник Феликс с дебильной улыбкой на лице.

– Ну ты и лентяй! Явился – не запылился! А другие, между прочим, вкалывали…

– Однако титанические усилия пошли тебе на пользу: ты, как я погляжу, посвежела! Но, насколько мне известно, попотеть пришлось не тебе.

Я изумленно уставилась на него, рот широко открылся.

– Как… откуда… откуда ты…

– В кафе напротив не кофе, а ослиная моча, зато оттуда роскошный вид на любовное токование!

– Ты все заранее спланировал.

– То, как он вчера себя вел, ни с чем не спутаешь. Этот кекс втюрился в тебя. Он уже несколько дней нарезает круги вокруг “Счастливых”. Поэтому утром я его протестировал. Проверку он прошел, и я понимаю, почему он тебе понравился.

– С какой стати… Вовсе нет…

– Ты влюбилась и поглупела. И это очень, очень мило.

Первый подзатыльник за день.

– Он славный, но не более. Так что отцепись. Да и вообще… Может, он никогда больше не сунет сюда нос.

– Это ты кому другому рассказывай!

Вечером я поймала себя на том, что всматриваюсь в прохожих за стеклом витрины. И вот кафе закрылось, а Оливье так и не объявился. Я отказывалась признаться себе, что огорчена. Однако я сумела извлечь бонусы из своего взвинченного состояния: мне казалось, будто я парю над землей, я ощущала себя легкой, повседневная рутина меня не затрагивала. После Колена такое случилось со мной впервые. То есть впервые я испытывала какие-то чувства. Само присутствие мужчины пробуждало их и вызывало интерес.

Прошло два дня, а Оливье не выходил у меня из головы. Я уже переворачивала доску у входа, закрывая кафе, когда он подбежал к витрине. Наклонился и оперся ладонями о колени, чтобы восстановить дыхание. Я открыла дверь.

– Йес! – воскликнул он.

– Мы закрыты!

– Знаю, но ты же на месте. Я тебя уже упускал два вечера подряд, так что сегодня мне нужно было успеть кровь из носу.

– Чего ты хочешь?

– Пойти с тобой где-нибудь выпить. Все вечера подряд ты наблюдаешь, как другие расслабляются после рабочего дня. Ты тоже имеешь на это право…

И тут он заметил, что я остолбенела.

– Наверное, тебя кто-то ждет… извини, я как-то не подумал… Ладно… ну… я пошел…

Он развернулся и зашагал по улице. Я догнала его. Я не хотела, чтобы он уходил. Когда он появлялся, я чувствовала себя счастливой, никаких сомнений.

– Никто меня не ждет.

– Правда?

– Ну да!

По моей Вьей-дю-Тампль мы дошли до улицы Бретань и быстро отыскали место на террасе. Оливье расспрашивал меня о “Счастливых”, но когда речь зашла о том, как возникло это кафе, я стала отвечать уклончиво. Его также интересовало, кто такой Феликс и что он для меня значит. Судя по выражению лица, гомосексуальная ориентация моего друга явно успокоила Оливье. Я узнала, что ему тридцать семь лет, он долго практиковал в Бельгии, где до этого учился, а в Париж вернулся лет пять с небольшим назад. “Зов предков”, – объяснил он. Я чувствовала, что приближается момент, когда нужно будет больше рассказать о себе. Поэтому я решила, что пора возвращаться – не была уверена, что он готов узнать, кто я такая на самом деле и что мне пришлось пережить. Мне было хорошо с ним, и я боялась, как бы он не сбежал, если я вывалю на него свои проблемы. С другой стороны, если у нас должны завязаться отношения, невозможно до бесконечности скрывать от него свое прошлое. В общем, настоящая китайская головоломка.

– Оливье, спасибо, но теперь мне пора. Было очень хорошо.

– И мне. Где ты живешь? Можно тебя проводить?

– Я живу над “Счастливыми людьми”. Это очень мило с твоей стороны, но ты не обязан доставлять меня по назначению, я и сама справлюсь.

– Может, позволишь немножко пройтись с тобой?

– Если тебе хочется…

Мы повернули к дому. Я чувствовала себя стесненно, не знала, что ему сказать, избегала его взгляда. Между нами возникла какая-то неловкость. Наша прогулка продолжалась минут пять, после чего Оливье остановился:

– Здесь я тебя отпускаю…

Я посмотрела на него. Он нашел в себе силы улыбнуться, несмотря на то, что последнюю часть пути я упорно молчала.

– Можно я приду к тебе в “Счастливых”? – спросил он.

– В любое время… До скорого.

Я сделала два шага назад, не отводя от него глаз, потом повернулась и направилась к своей студии. На пешеходном переходе между улицами Вьей-дю-Тампль и Катр-Фис я осторожно оглянулась: Оливье стоял там, где я его оставила. Он помахал мне. Я вздохнула, улыбнулась и пошла дальше.
Я не понимала, что мне делать… Дома я сразу легла, но сон долго не шел.

Если в последующие дни Феликс и заметил мою нервозность, он ничего не сказал. Я, как обычно, занималась своим делом, но при этом у меня в голове беспрерывно крутились мысли об Оливье и возможном будущем романе.
Как посвятить его в мою ситуацию, и чтобы он при этом не сбежал? Одно дело желание завязать отношения или даже готовность к ним, и совсем другое – боязнь напугать своим прошлым, своей эмоциональной уязвимостью, последствиями пережитого.

Субботний вечер, у нас затишье. Весь день отличная погода, и клиенты покинули мое кафе, предпочтя открытые террасы. Я их понимала: на их месте я поступила бы так же. Сегодня мы рано закроемся. Я стояла за стойкой, а Феликс считал ворон, сидя на табурете.

– Что ты собираешься делать сегодня вечером? – спросила я, наливая нам по бокалу красного вина.

– Никак не решу: меня ждут всюду, но я еще не выбрал, кого осчастливить.

Как хорошо, что он со мной, ему всегда удается развеселить меня.

– А ты? – спросил он, чокнувшись и отпивая глоток.

– О, у меня свидание с “Самым большим кабаре”[5 - “Самое большое кабаре” (Le Plus Grand Cabaret du monde) – регулярная развлекательная программа французского телевидения.].

– Твой воздыхатель не объявлялся?

– Нет, чего и следовало ожидать. В любом случае он сбежал бы, узнав о Колене и Кларе… ну и обо всем остальном…

– Об остальном? Ты имеешь в виду историю с малышом? Это смешно.
Так или иначе однажды тебе снова захочется ребенка.

От одной мысли об этом я задрожала.

– Нет, не думаю.

– Диана, ты бежишь впереди паровоза. Никто не предлагает тебе выходить замуж или заводить семью прямо сейчас. Встретишь кого-нибудь, тебе будет хорошо с ним, а там уж как сложится.

– Что об этом говорить, затея накрылась.

– Я в этом не уверен. Гляди-ка, кто пришел…

Тут я увидела Оливье, взявшегося за ручку двери.

Сердце бешено заколотилось.

– Привет, – спокойно сказал он, входя в зал.

– Привет, Оливье, – весело откликнулся Феликс. – Присоединяйся!

Феликс похлопал по соседнему барному табурету, предлагая Феликсу сесть.
Тот осторожно приблизился, взглядом прося у меня разрешения.

– Выпьешь то же, что и мы? – предложила я.

– С удовольствием!

Феликс взял на себя труд поддерживать беседу и засы?пал Оливье вопросами о его жизни и работе. Оливье нисколько не смутил этот допрос с пристрастием. Прячась за своей ироничной манерой, мой лучший друг проверял надежность нашего гостя. Я его достаточно хорошо знала и потому догадывалась: он, конечно, готов на все, лишь бы я нашла себе кого-нибудь, но сама мысль об этом приводит его в ужас. Я предпочла не вмешиваться. Впрочем, мне бы это все равно не удалось. Поэтому я перемыла всю посуду, по нескольку раз споласкивая и вытирая каждую чашку, каждый стакан. Я избегала смотреть на Оливье и отводила глаза, когда он пытался поймать мой взгляд. Когда я убедилась, что мыть, вытирать, протирать больше нечего, я вытащила из-под стойки пачку сигарет и вышла на улицу.

Я прикуривала вторую сигарету от первой, когда звякнул колокольчик: ко мне присоединился Феликс.

– Все в порядке, Феликс Несравненный сделал свой выбор – я знаю, где буду сегодня безумствовать.

– Нет… ну, пожалуйста,… не оставляй меня наедине с ним.

– Его единственный недостаток – он не курит. А в остальном он отличный парень, к гадалке не ходи. Так что поговори с ним. Давай, давай, соберись! Порадуйся немного жизни!

Феликс чмокнул меня:

– Он тебя ждет.

Феликс ушел, веселый и беззаботный, как щегол. Я глубоко вздохнула и вошла в “Счастливых”.

– Э-э-э… – приветствовал меня Оливье.

– Э-э-э…

– Как ты насчет ужина вдвоем?

Я вернулась за стойку и глотнула вина. Оливье не отводил от меня глаз.

– Можем остаться здесь, – предложила я. – Я закрою, и кафе наше на весь вечер.

– А ты позволишь мне заняться ужином?

– Давай!

Он спрыгнул со стула и направился к выходу, но на полпути остановился и обернулся ко мне:

– Ты будешь здесь, когда я вернусь? Не сбежишь?

– Можешь мне поверить.

Он широко улыбнулся и вышел.

Чтобы убить время до его возвращения, я погасила свет в витрине и перевернула доску у входа – теперь кафе закрыто. Потом сменила музыку, поставила последний альбом Angus & Julia Stone и заперлась в туалете. Выглядела я ужасно: с утра был аврал, и я не успела накраситься, да и мои духи, пожалуй что, давно испарились. Однако проблема в том, что я не могла подняться в студию, чтобы привести себя в порядок: вдруг Оливье вернется, пока я наверху, и окажется перед закрытой дверью. В кармане завибрировал телефон. Эсэмэска от Феликса:

Если нужно подновить фасад, загляни за рамку с фото возле кассы.

Можно было подумать, что он установил в туалете видеокамеру. Впрочем, с него станется! Оказалось, что Феликс втайне от меня припас набор косметики, включающий, в частности, щетку для волос и пробник моих духов.

Только я успела расставить приборы на стойке, как в кафе вошел Оливье с полными руками.

– Ты пригласил приятелей?

– Не знал, что выбрать, – ответил он, выкладывая на стойку пакеты. – Поэтому взял всего понемногу. Зашел в греческую кулинарию, потом в итальянскую колбасную лавку, еще за сыром… потом за десертами – сначала купил шоколадные пирожные, а потом подумал, вдруг ты предпочитаешь фрукты, поэтому прихватил фруктовые корзиночки…

– Зачем столько всего?!

– Мне приятно заботиться о тебе.

– Думаешь, я нуждаюсь в том, чтобы обо мне заботились?

Он нахмурился:

– Нет… но ты мне нравишься, и это доставляет мне удовольствие…

Я уставилась в пол, ноги подгибались.

– Я в гостях, но все же рискну пригласить нас к столу.

У него явный талант: он вернул мне непринужденность, погасил напряжение, сопровождавшее наш импровизированный ужин вдвоем.

Я потеряла представление о времени. Не припомню за последние годы ни одного такого милого вечера. Оливье смешил меня, рассказывая истории своих больных с воображаемыми радикулитами. Я открывала для себя мужчину, не терзающего себя и других философскими проблемами, непосредственного, ждущего от жизни только простых вещей, способных подарить радость. Он дал мне понять, что хотел бы больше узнать обо мне.

– Ты все время как будто немного замкнута… Не могу понять, с чем это связано… Но я хотя бы не внушаю тебе страха?

– Нет, – улыбнулась я в ответ. – Просто я уже давно не оказывалась в такой ситуации…

– Ты пережила тяжелый разрыв? Извини, если я слишком тороплюсь…

– Нет… Все несколько сложнее… и не так-то легко объяснить…

– Я тебя не заставляю …

– Я сама хочу рассказать, это важно… Возможно, ты перестанешь приходить, когда все узнаешь…

– Ну разве что ты кого-то убила…

– Никого я не убивала, клянусь! – Я рассмеялась.

Стараясь не смотреть на него, я набрала побольше воздуха в легкие и решилась:

– На самом деле, Оливье… я потеряла мужа и дочь в автомобильной катастрофе, три года назад…

– Диана… я…

– Не надо, молчи, сегодня уже все в порядке. Но с тех пор в моей жизни никого не было… и я должна сказать, что… мне впервые легко и хорошо с мужчиной. Понимаю, это может напугать тебя…

Я упорно разглядывала стол. Краем глаза заметила, что Оливье нагнулся и пытается снизу поймать мой взгляд. Я хихикнула. Он не отстранился, не замкнулся – остался таким, каким был до моего признания.

– Как насчет того, чтобы немного взбодриться?

– Ага.

– Могу я зайти за стойку и открыть новую бутылку?

Я кивнула, и он отправился за вином.

– Понимаешь, это такая подростковая мечта, – добавил он со смехом.

– Да пожалуйста, ни в чем себе не отказывай!

Он нашел бутылку и штопор, наполнил наши бокалы. То старание, с которым он все проделал, тронуло меня и разрядило напряжение.

– У тебя отлично получается. Могу взять на работу.

– Только по совместительству, – подмигнул он.

Он уже собирался вернуться ко мне, когда заметил рамку с семейными фотографиями.

– Можно?

– Можно.

Он взял рамку и стал внимательно рассматривать снимки.

– Похоже, Феликс дружил с твоей дочкой.

– Он был ее крестным… Тебе не помешает, если я закурю?

– Ты у себя. Может, не хочешь об этом говорить?

– Если у тебя есть вопросы… – предложила я, затянувшись.

Он поставил на место фото и вернулся ко мне.

– Что ты делала три года? Я имею в виду… чтобы со всем этим справиться… Невозможно представить себе, что тебе пришлось пережить.

Я глубоко вздохнула, молча докурила, раздавила сигарету в пепельнице и только потом ответила:

– Год я просидела взаперти в нашей квартире… Если я еще жива, то это заслуга Феликса. Он так старался встряхнуть меня, что я решила уехать… Прожила еще год в Ирландии, в какой-то богом забытой деревне с морем в нескольких метрах от моего дома…

– И как там было?

– Сыро. Но тамошняя атмосфера как будто возродила меня. Там красиво, очень, очень красиво, ты даже не можешь вообразить… Грандиозные пейзажи, страна, в которую стоит заглянуть…

Я боролась с воспоминаниями, стремилась защитить свою жизнь от вторжения ирландских призраков.

– В конце концов я вернулась домой и с тех пор держусь. Мне больше не хочется умереть… Я хочу жить, но мне нужна спокойная жизнь. В Париже, в “Счастливых”… Ну вот…

Я слабо улыбнулась.

– Спасибо, что поделилась со мной. Больше не буду приставать к тебе с расспросами.

Он осторожно убрал прядку волос с моего лба и улыбнулся. Я вздрогнула.

– Помогу тебе навести порядок перед сном.

Он встал, снова зашел за стойку и стал мыть посуду. Я присоединилась к нему – вытирала тарелки, которые он мне подавал. Мы слушали песню No surprises, повторяя и повторяя ее, и больше не разговаривали. В маленьком закутке, где мы находились, нельзя было не касаться друг друга, не задевать плечами, и мне это нравилось. Когда мы все вымыли и расставили, Оливье надел куртку.

– Ты поднимаешься к себе, не выходя на улицу? – спросил он.

– Да.

– Запри как следует дверь.

Я проводила его к выходу, и мы оказались лицом к лицу.

– Диана, я не стану торопить тебя, пусть пройдет время, и ты придешь ко мне, если захочешь… Я буду ждать столько, сколько понадобится…

Он подошел ко мне и шепнул: “Я не боюсь”.

Потом поцеловал меня в обе щеки. Это не были дружеские поцелуи, не имеющие никакого значения. Впрочем, мы такими никогда не обменивались. Нет, прикосновение его губ к моим щекам было словно обещание нежности и терпения.

– Спокойной ночи.

– Спасибо, – вот и все, что я сумела выдавить едва слышным голосом.

Он вышел на улицу, дождался, пока я запру двери на ключ, и только потом ушел. Будто оглушенная, еле переставляя ватные ноги, я поднялась к себе и легла. Может быть, я встретила мужчину, который вернет радость в мою жизнь? Сумею ли я дать себе волю?

Глава четвертая

Обе следующие недели Оливье приходил ко мне практически ежедневно. Иногда просто заглядывал поздороваться, иногда пил кофе или, если приходил вечером после приема, заказывал бокал вина. Ни разу никуда меня не пригласил и никогда не приближался ко мне. Позволял мне привыкнуть к своему присутствию, приручал меня. И это работало: я все нетерпеливее выглядывала на улицу, дожидаясь его появления, чувствовала себя разочарованной, когда он уходил, и вечером, ложась спать, все еще думала о нем. И тем не менее мне

не удавалось сделать решающий шаг. Мысли о будущем приводили меня в ужас.

Он пообедал в “Счастливых людях” и только ушел, и тут Феликс предпринял совершенно неожиданную атаку:

– Ты во что играешь?

– А?

– Я начинаю жалеть бедного парня. Ты его мурыжишь и мурыжишь, а он глядит на тебя глазами дохлого судака. Я все вижу: ты целый день томишься по нему и начинаешь заикаться, когда он приходит… Пора прыгнуть ему в объятия, чего ты ждешь?

– Сама не знаю…

– Из-за Колена? Мне казалось, ты уже преодолела этот этап.

– Нет, не из-за Колена. Честно говоря, я больше думаю об Оливье, чем о нем.

– Хороший знак.

– Да… но…

– У доброты и терпения тоже есть свои пределы. Дай ему немного надежды, иначе…

– Оставь меня в покое, – завопила я, в отчаянии от того, что он прав.

Тем же вечером Феликс выразительно посмотрел на меня, когда появился Оливье. Он приблизился ко мне с робкой улыбкой:

– Ты свободна завтра вечером?

– Ну-у-у… да…

– Вообще-то я пригласил нескольких друзей, которые требовали отпраздновать новоселье. И был бы очень рад, если бы ты пришла. Да, Феликс, если хочешь, присоединяйся.

– Мы придем, – поспешила ответить я, не дав Феликсу вставить слово.

– Отпускаю тебя к твоей работе. И до завтра, да!

Он помахал Феликсу. Закрыл дверь, заглянул в кафе через стекло, я ему улыбнулась.

– Вот видишь, ничего сложного!

– Не опозорь меня завтра, – предупредила я Феликса.

Он прыснул.

На следующий день, звоня в дверь, я была счастлива. И никакого стресса. Только радостное ожидание встречи. Я решила задвинуть подальше все свои сомнения и страхи. Когда Оливье появился на пороге, Феликс, такой же деликатный, как слон в посудной лавке, сразу прошел в квартиру, хихикая, словно девочка-подросток, и оставляя нас наедине.

– Навыступается он на твоей вечеринке, вот увидишь! – предупредила я Оливье.

– Пусть повеселится, мне не жалко!

Мы посмотрели друг другу в глаза.

– Спасибо, что пригласил, я очень рада, что пришла к тебе.

Ни секунды не раздумывая, я поцеловала его в щеку.

– Познакомишь с друзьями?

Представления не затянулись, все гости были наслышаны обо мне. Для порядка Оливье смутился, но при этом подмигнул. То, как они отнеслись к моему появлению, тронуло меня – они старались вести себя так, чтобы я почувствовала себя своей в их компании. Феликс очень быстро освоился: болтал со всеми подряд, сыпал шутками. Оливье налил мне белого вина и извинился, что вынужден меня покинуть:

– Мне еще нужно кое-что доделать на кухне.

Я рассматривала его квартиру: ничего общего с жилищем холостяка. Напротив, дом производил впечатление обжитого. Ни беспорядка, ни подчеркнутого минимализма. У него было уютно, диван, обтянутый тканью, так и манил свернуться на нем клубочком, цветы в горшках и фотографии семьи и друзей делали помещение живым и гостеприимным. Все здесь было таким, как сам Оливье: внушающим спокойствие.

Я смеялась, болтала со своими симпатичными ровесниками, и мне начало казаться, что я такая же, как все. Я не цеплялась весь вечер за Феликса, потому что не ощущала никакой опасности. Я охотно удовлетворяла любопытство друзей Оливье: “Да, он мне нравится! Это только вопрос времени”. Компания Оливье была тесно спаянной, и счастье каждого из них являлось предметом всеобщего искреннего интереса. Никто не расспрашивал меня о личной жизни, Оливье, как обычно, проявил тактичность и ничего не рассказал о ней. Мое хорошее настроение рассыпалось, словно карточный домик, когда из комнаты, которую я посчитала спальней Оливье, вышла женщина с полугодовалым младенцем на руках. Она буквально лучилась счастьем, несмотря на очевидную материнскую усталость. Первый мой порыв – с криком убежать. Я отошла в сторону в надежде, что она меня не заметит. Но она, естественно, тут же меня углядела и подошла с сияющей улыбкой:

– Ты Диана, да? Счастлива познакомиться, Оливье столько рассказывает нам о тебе.

Она поцеловала меня, мои ноздри сразу же поймали запах “Мустелы” и вернули меня к рождению Клары. Я всегда любила младенцев и их запах, и Колен часто

повторял: “Ты нюхаешь свою дочку, как наркоманка героин”. Перед тем как они ушли, мы подумывали о том, чтобы сделать еще одного ребенка и подарить Кларе братика или сестричку…

– Позволь представить тебе мое сокровище, – продолжила она, указывая на малыша, – я ее как раз кормила, когда ты… Черт, я забыла игрушку в спальне Оливье! Подержишь две секунды?

Не дожидаясь ответа, она передала мне дочку. Мою голову моментально сжали тиски, кровь застыла в жилах, я больше не видела эту девочку, я видела только саму себя с МОЕЙ Кларой на руках. Чувствовала ее кожу, ее крошечную ручку, вцепившуюся в мой палец, узнавала первые золотые завитки волос. Сквозь лепет этого младенца в мой мозг просачивался беззвучный вой. Я задыхалась и так сильно дрожала, что могла ее просто уронить, если продержу еще хоть секунду.

– Диана… Диана…

Я подняла затуманенные слезами глаза и увидела Оливье, который тихонько звал меня.

– Я возьму ее, ладно?

Я кивнула. Парализованная, я наблюдала, как Оливье занимается девочкой так, будто всю жизнь только и делал, что возился с младенцами. Он прижимал ее к себе, что-то шептал, а потом передал тому, кто, как я догадалась, был ее отцом. Потом он вернулся ко мне и положил руку мне на талию.

– Диана нужна мне на кухне! – объявил он гостям.

Выходя из комнаты, я поймала огорченный взгляд Феликса. Мой друг был белым как мел. Оливье закрыл за нами дверь своей маленькой кухоньки, широко открыл окно, достал из шкафа пепельницу и протянул мне сигареты. По всей вероятности, он прихватил их по дороге, а я и не заметила. Дрожа и плача, я закурила. Оливье молчал, давая мне возможность прийти в себя.

– Извини, что так вышло, – сказала я.

– Да ладно тебе, никто ничего не заметил. А если бы и заметили, это не их дело. Привести Феликса?

– Не надо…

Я всхлипывала, он протянул мне носовой платок.

– Я ненормальная… Я не могу… не могу больше видеть детей, младенцев… слишком больно. Всякий раз они напоминают, что у меня отняли мою дочку, мою Клару, любовь всей моей жизни… Я никогда не смирюсь с этим… Никогда не смогу забыть… переключиться на что-то другое…

Я всхлипывала. Нервный припадок маячил где-то поблизости. Оливье подошел ко мне, вытер мокрые щеки, положил руку на плечо. Я сразу почувствовала себя лучше: теперь я в безопасности, я ощущала его нежность, заботу.
Он не воспользовался ситуацией. Понемногу мое дыхание выровнялось. Рядом с ним мне было спокойно, но воспоминание о том, как он держал этого младенца на руках, подтвердило то, чего я опасалась в глубине души и что мешало мне полностью расслабиться.

– Я не та женщина, которая тебе нужна…

– При чем тут это? – тихо спросил он.

Я отодвинулась.

– Если у нас с тобой получится…

Он снова осторожно обнял меня, я не сопротивлялась.

– Я нисколько в этом не сомневаюсь! – заявил он, гладя мое лицо.

– Я никогда не смогу подарить тебе ребенка. Я больше не хочу детей… Мама, которой я была, умерла вместе с Кларой.

– Именно это тебя удерживает?

– В один прекрасный день тебе захочется иметь семью, я видела тебя с ребенком на руках, ты с таким восторгом прижимал его к груди. Не прощу себе, если ты потеряешь со мной время. Найди девушку, которая захочет…

– Тс-с-с!

Он положил палец на мои губы и заглянул мне в глаза.

– Я люблю детей, это правда, но в особенности чужих. Дети – не цель моей жизни. Я уверен, что семейная пара может быть самодостаточной. И только этого жду от наших с тобой отношений. Только этого, и ничего больше, клянусь. Что до детей, у нас еще будет время о них подумать… Мы можем рискнуть и пройти часть пути вместе, – с улыбкой подвел он итог.

С таким мужчиной, как он, жизнь могла оказаться значительно более приятной. Его руки были сильными и надежными, взгляд ореховых глаз мягким и смеющимся, а лицо выразительным. Мне оставалось сделать всего один шаг. Я осторожно потянулась к нему и прильнула губами к его губам. Он крепче стиснул меня, я приоткрыла рот, наш поцелуй стал более глубоким, я обвила руками его шею. Оливье прижался лбом к моему лбу, погладил меня по щеке, и я с улыбкой опустила ресницы.

– Все бы отдал за то, чтобы они все сейчас испарились, – шепнул он мне на ухо.

– И я!

– Если тебе слишком тяжело, я провожу тебя домой.

– Нет, я хочу остаться.

– Не бойся, я буду все время рядом.

Мы снова обменялись долгим, страстным поцелуем. Нам, однако, приходилось сдерживаться. Слегка задохнувшись, мы отодвинулись друг от друга.

– Вернемся? – спросил Оливье, скорчив недовольную гримасу.

– А что еще мы можем сделать?!

Мы взяли на кухонном столе блюда с едой – нужно было как-то отвлечься. Перед тем как открыть дверь, Оливье в последний раз поцеловал меня. Избежать немых вопросов Феликса мне не удалось, как я ни старалась. Он заметил, что я плакала, но понял, что произошло еще что-то. Когда он догадался, в чем дело, Феликс удивленно выкатил глаза и игриво подмигнул мне. Весь остаток вечера я не отходила от Оливье. Напряжение быстро отпустило, потому что ребенка уложили, и он ни разу за вечер не подал голос. Когда мы чувствовали, что любопытство окружающих ослабевает, мы старались коснуться друг друга. Я не вслушивалась в общий разговор – думала о том, что произошло, и мечтала как можно скорее остаться наедине с Оливье.

Феликсу удалось перехватить меня.

– Вернешься к себе?

– Не знаю, но не жди меня.

– Аллилуйя!

Все ушли. Кроме меня. Как только мы остались одни, я преодолела два метра, которые разделяли нас, прильнула к нему, нашла его губы. Мои руки легли на его плечи, пальцы Оливье скользили по моей талии, спине.

– Могу я остаться на ночь? – прошептала я, не отрываясь от него.

– Зачем ты спрашиваешь? – откликнулся он.

Продолжая прижиматься к нему, я увлекла его в спальню, к кровати… Когда мы занимались любовью, во мне говорило не грубое желание, а потребность в нежности, сближении, ласке. Каждый жест, каждое движение, каждый поцелуй Оливье были осторожными и бережными. Он заботился в первую очередь не о своем удовольствии, а о том, чтобы дать его мне. Я поняла, что обрела мужчину, в котором нуждалась. Засыпая в его объятиях, я сказала себе, что отныне я не женщина Колена, а просто Диана.

Весь следующий месяц я заново открывала для себя жизнь вдвоем. Мы встречались ежедневно, кроме воскресенья: о том, чтобы отказаться от позднего завтрака с Феликсом, речь не шла. Как правило, я оставалась на ночь у Оливье, он бывал у меня реже. Мне еще трудно было полностью раскрыться перед ним, но он не обижался: ждал, как и раньше, чтобы я пришла к нему, когда буду готова.

Настало лето, и я сказала Оливье, что не буду закрывать кафе. Если он расстроился, что мы не проведем отпуск вместе, то не подал вида. Тем вечером в начале июля мы сидели на террасе за бокалом вина, и тут я предложила ему альтернативный вариант:

– Давай уедем вдвоем на длинный уикенд. Ты как?

– Я сам подумывал об этом, но сказал себе, а вдруг совместная поездка тебя не соблазняет, – подмигнул он.

– Ну и дурак!

Он рассмеялся и продолжил:

– Если серьезно, то я же знаю, что ты не любишь надолго расставаться со “Счастливыми людьми”.

– Ты прав, я этого побаивалась, но теперь есть ты, и к тому же мы уедем ненадолго. Надеюсь, Феликс проследит за всем…

Эту ночь Оливье провел у меня.

Длинный уикенд по случаю 14 июля пришелся как нельзя кстати. Я расстанусь со “Счастливыми людьми” на четыре дня, значит, мне нужно подробно проинструктировать Феликса. Оливье все организовал сам: выбрал место, заказал билеты на поезд, гостиницу. Вообще-то у меня, по его мнению, было слишком мало выходных. Поэтому за два дня до нашего отъезда они

сговорились с Феликсом и заставили меня уйти из кафе на всю вторую половину дня “для контрольной проверки”, как они это назвали. К моей величайшей радости, они идеально ладили, найдя друг в друге родственные души: Оливье смеялся над всеми выходками Феликса и не воспринимал нашу тесную дружбу и полное взаимопонимание ни критично, ни ревниво. Что до Феликса, то он видел в Оливье преемника Колена, ценил его юмор и в особенности то, что Оливье никогда не задавал настырных вопросов по поводу моей погибшей семьи.

Во время “теста на совместный отдых” Оливье повел меня в магазины, которые я игнорировала последние несколько лет, и я воспользовалась распродажами, чтобы обновить летний гардероб. Я следовала за ним, не заморачиваясь выбранным маршрутом, а он вел меня по парижским улицам, держа за руку. В какой-то момент Оливье остановился перед спа-центром. Я повернулась к нему. На моем лице был написан вопрос.

– Подарок!

– Ты о чем?

– В ближайшие два часа тебя будут ублажать. Отпускная расслабуха начинается сегодня.

– Напрасно ты…

– Тс-с-с! Это доставит мне удовольствие. Потом ты вернешься домой, будешь готовиться, а я приду в семь вечера. Я тут нашел выставку, которая должна тебе понравиться, а потом мы поужинаем в ресторане.

Я бросилась к нему на шею. После Колена никто никогда не заботился обо мне, как он.

Я сбросила напряжение, моя кожа стала нежной, как у младенца, и я впервые надела новое красивое черное платье и босоножки на платформе, которые купила в тот же день. Перед тем как спуститься в “Счастливых”, чтобы подождать Оливье, я остановилась перед зеркалом. Меня радовало, что я такая

красивая, и я надеялась, что он это оценит. Взгляд, которым он встретил меня полчаса спустя, не разочаровал.

В метро я держала его за руку, не отрываясь, смотрела на него, целовала в шею, словно влюбленная школьница. Я подвела черту под столькими вещами и не представляла себе, что могло бы прервать мирное очарование моей жизни, которое подарил мне Оливье. Я постепенно признавалась себе, что влюблена в него, и меня охватывало блаженное чувство.

Мы вышли из метро на Монпарнасе. Я шла за Оливье, не задавая вопросов и испытывая возбуждение при мысли о том, что впереди у меня интересная выставка. Он сохранил интригу до конца. Когда мы были на месте, он заставил меня повернуться спиной к двери, чтобы оттянуть момент, когда я узнаю, что меня ожидает. За спиной звучала ирландская музыка: музыка кельтов в “бретонском квартале”[6 - “Бретонский квартал” – так называют парижский район Монпарнас.] – вполне логично!

– Я просматривал “Парископ” и вдруг наткнулся на эту выставку. Она вот-вот закроется, нужно было успеть. – Оливье был доволен собой.

– А что там?

– Зайди и увидишь.

Я толкнула дверь. Это была выставка, посвященная морю и его влиянию на британскую, шотландскую и ирландскую культуры. Организаторы создали атмосферу паба: подавали здесь не шампанское и пирожные, а гиннесс, виски и чипсы с уксусом. Мое возбуждение погасло, уступив место глубочайшему замешательству.

– Ты сказала, что Ирландия благотворно подействовала на тебя, и я подумал, что тебе должно понравиться.

– Да, – с трудом выдавила я.

Оливье обнял меня за талию, и мы стали обходить галерею. Здесь было много народу, приходилось протискиваться сквозь толпу. Я не решалась поднять глаза ни на одну картину, ни на одно фото, опасаясь увидеть знакомый пейзаж, поймать настроение, позволить эмоциям всплыть на поверхность. Я односложно отвечала на вопросы Оливье и отказалась от предложенной кружки гиннесса.

– Кажется, моя идея была не самой удачной, – сказал он в конце концов.

Я взяла его руку и крепко сжала.

– Сама виновата, я говорила, что мне понравилась эта страна и жизнь на берегу моря, и это правда… Но у меня остались не только хорошие воспоминания. Я там была не в лучшей форме.

– Тогда давай уйдем. Меньше всего я хотел причинить тебе боль, вот уж точно. Мне очень жаль, что так получилось.

– Не ругай себя. Но все же я бы предпочла уйти. Давай продолжим вечер где-то в другом месте.

Мы направились к выходу, я прижималась к нему и смотрела под ноги. Мы уже почти вышли, когда из музыки и общего гула вынырнул голос. Голос, парализовавший меня. Вернувший меня в Малларанни. Голос, от которого на моих губах появился вкус водяной пыли. Пахнущий табаком хриплый голос, который, я думала, больше никогда не услышу.

– Подожди, – попросила я Оливье, отрываясь от него.

Я оставила его у дверей, вернулась в зал, эхо голоса, звучавшего будто пение сирен, манило меня и гипнотизировало. Но это же невозможно! Я все придумала под влиянием потока воспоминаний, нахлынувших в этих залах. И все-таки я обязана разобраться. Я вглядывалась в фигуры, лица, прислушивалась к разговорам, отталкивала тех, кто мешал мне пройти, и вдруг застыла на месте. Да, мне не послышалось, это его голос. Всего несколько сантиметров разделяли нас. Вот он здесь, спиной ко мне, высокий, небрежно одетый и непричесанный, без пиджака, с сигаретой, зажатой между пальцами в ожидании, что к ней вот-вот поднесут зажигалку. Если я втяну воздух, его запах наполнит мои ноздри и вернет меня в его объятия. Я дрожала, во рту

пересохло, ладони стали влажными, меня бросало то в жар, то в холод.

– Эдвард… – проблеяла я, сама того не желая.

Мне показалось, что меня услышали все присутствующие. Но имел значение только он, один из всех. Его тело напряглось, он на секунду опустил голову, сжал кулаки и несколько раз подряд нервно щелкнул зажигалкой. И только потом обернулся. Наши взгляды впились друг в друга. Мой излучал удивление и вопрос. Его сперва пробежался по мне с головы до ног, а потом обдал холодом и высокомерием. Черты его лица оставались такими же жесткими и надменными, как в моих воспоминаниях. Щетина, как и раньше, покрывала щеки и подбородок. В волосах, по-прежнему встрепанных, появилось несколько белых нитей. Он выглядел изнуренным, с печатью чего-то такого, что мне не удавалось сформулировать.

– Диана, – наконец-то произнес он.

– Что ты здесь делаешь? – спросила я дрожащим голосом, самым естественным образом переходя на английский.

– Выставляю свои фотографии.

– Сколько ты уже в Париже?

– Три дня.

Я ощутила, как на мое сердце обрушился удар кулака.

– Ты собирался прийти…

– Нет.

– А-а…

Вопросы роились у меня в голове, но я была неспособна связно задать ни один из них. Его враждебное и отстраненное поведение лишало меня воли. Взгляд Эдварда переместился куда-то за мою спину, и я почувствовала на ней руку.

– А я ищу тебя, – произнес голос Оливье.

Как я могла забыть о нем? Я постаралась улыбнуться и обернулась:

– Извини, пожалуйста… Я… Выходя, я заметила Эдварда и…

Он протянул ему руку:

– Рад знакомству, я Оливье.

Эдвард молча пожал ему руку.

– Эдвард не говорит по-французски.

– Ох, прошу прощения! Вот уж не думал, что ты встретишь здесь знакомого! – улыбнулся Оливье, произнеся эту фразу на идеальном английском.

– Эдвард – фотограф и…

– Я был соседом Дианы, когда она жила в Малларанни.

Если бы я хотела его охарактеризовать, то уж точно выбрала бы другое определение. Он не был просто соседом. Кем он оставался для меня? Удары сердца посылали противоречивые сигналы на этот счет.

– Невероятно! И вы встречаетесь здесь по чистой случайности, подумать только! Если бы я знал… Диана, хочешь остаться? Вам наверняка надо столько всего рассказать друг другу!

– Нет, – возразил Эдвард. – У меня дела. Был рад знакомству с тобой, Оливье.

Потом взглянул на меня:

– Будь счастлива.

Поняв, что он сейчас уйдет, я запаниковала:

– Погоди!

Я схватила его за руку. Он уставился на мою ладонь. Я ее живо отдернула.

– Сколько ты здесь пробудешь?

– Завтра вечером у меня самолет.

– О… ты уже возвращаешься… Уделишь мне немного времени?

Он провел рукой по лицу.

– Не знаю.

– Пожалуйста, приходи в “Счастливых людей”. Очень тебя прошу…

– Не понимаю зачем, – пробормотал он в свою щетину.

– Нам точно нужно многое сказать друг другу.

Он зажал погасшую сигарету в углу рта и посмотрел мне в глаза:

– Ничего не обещаю.

Я лихорадочно рылась в сумочке в поисках визитки “Счастливых”.

– Тут адрес и план на обороте. Позвони, если не найдешь.

– Найду.

Он бросил на меня последний взгляд, кивнул Оливье и ушел.

– Пойдем? – спросил Оливье. – Ужин в ресторане в силе?

– Конечно. Ничего не изменилось.

В дверях я обернулась. Эдвард с кем-то разговаривал и при этом пристально смотрел на меня.

Полчаса спустя мы сидели в индийском ресторане. Каждый проглоченный кусок давался мучительно, но ради Оливье я заставляла себя есть. Его внимание и предупредительность оставались неизменными, несмотря на мои выходки. А ведь он этого не заслужил. Я не имела права и дальше оставлять его в неведении. В то же время следовало аккуратно подбирать слова.

– Извини меня за то, что произошло, – начала я. – Я не должна была бросать тебя… Но это так странно – вдруг наткнуться на человека… Я испортила твой сюрприз.

– Да нет, ерунда. Если я и расстроился, то только потому, что это стало для тебя потрясением.

– Пройдет, не волнуйся. Погружение в ирландскую атмосферу вернуло меня к не самому однозначному периоду моей жизни.

– А Эдвард? Он кто?

В его голосе подозрительности ни на йоту.

– Он, как и сказал, был моим соседом. Я снимала коттедж рядом с его домом у Эдвардовых тети и дяди, Эбби и Джека. Потрясающие люди… И я дружила с его сестрой Джудит, вторым Феликсом, но в гетеросексуальном варианте.

– Должно быть, нечто особенное!

– Да, она необыкновенная…

– А после того, как ты уехала?

– Мне что-то стукнуло в голову, и я сбежала из Ирландии, попрощавшись впопыхах, и больше никогда с ними не общалась. Сегодня мне стыдно, что я была такой бессовестной.

– Тебе нечего стыдиться, – возразил он, беря меня за руку. – Они и сами могли позвонить.

– Они не из тех, кто вторгается в чужую жизнь. И всегда уважали мое молчание. И мой отъезд в этом смысле ничего не изменил.

– Поэтому ты так хочешь встретиться с ним завтра?

– Да…

– Он не слишком разговорчив, думаешь, тебе удастся что-нибудь из него вытянуть?

Как не рассмеяться его замечанию?

– Ну да, он будет краток, я услышу только самое необходимое, но все равно это лучше, чем ничего.

Я вздохнула и уставилась в свою пустую тарелку.

– Может, сегодня ты предпочитаешь спать одна?

Он искал моего взгляда.

– Нет, пойдем к тебе.

Когда мы легли, Оливье не стал заниматься любовью, а просто поцеловал и обнял меня. Он уснул довольно быстро, а я всю ночь не сомкнула глаз. Заново переживала каждое мгновение этой нежданной встречи. Еще несколько часов назад Ирландия была перевернутой страницей, закрытой книгой моей жизни. Такой она и должна остаться. Если Эдвард завтра появится, я узнаю новости обо всех, потом он уйдет, и моя жизнь вернется в привычное русло.

Я вставала очень осторожно, но все же разбудила Оливье.

– Ты уже в порядке? – спросил он сонным голосом.

– Да. Спи. Наслаждайся отпуском. – Я тронула губами его плечо.

– Я приду к тебе в конце дня.

Последний поцелуй, и я ушла.

Через сорок пять минут я открыла “Счастливых”, так и не съев традиционный круассан. Желудок отказывался принимать пищу. Утренние клиенты почувствовали, по всей вероятности, мое плохое настроение и не трогали меня, позволив переваривать за стойкой одолевавшие меня мысли. Когда ближе к полудню в дверях возник Феликс, я догадалась, что с ним этот номер не пройдет. У меня не оставалось выбора. Если Эдвард нанесет мне визит, Феликс окажется самым привилегированным зрителем этого шоу. И попробуй забыть, что при первой встрече они подрались!

– Ну и видок у тебя! У Оливье вышла осечка или что?

Он сразу перешел в атаку. Я решила тоже действовать напрямик:

– Эдвард в Париже, я случайно столкнулась с ним вчера вечером.

Он свалился на ближайший стул.

– Хочется думать, что я все еще под экстази!

Сама того не желая, я захихикала:

– Нет, Феликс. Это чистая правда, и он, может быть, сегодня зайдет сюда.

По выражению моего лица он понял, что это не шутка. Встал, обогнул стойку, приобнял меня:

– Ты как?

– Не знаю.

– А Оливье?

– Я не рассказала ему, что между нами было.

– Он приехал из-за тебя?

– Судя по реакции, не похоже… Он выставлял свои фотографии и сегодня уезжает.

– Ну, ну, могло быть и хуже. Сегодня я вкалываю с утра до вечера. Не лишать же себя такого зрелища!

Я расхохоталась.

Это был мой самый длинный рабочий день. Я только и делала, что ждала. Феликс краем глаза наблюдал за мной или паясничал, чтобы отвлечь меня. Время шло, и я все чаще повторяла себе, что он не придет. И что на самом деле, возможно, это не худший вариант. Есть вещи, которые опасно ворошить.

Я возвращала клиенту сдачу, когда он появился на пороге с дорожной сумкой на плече. Мгновенно кафе показалось мне маленьким: все место в нем занял Эдвард. Он пожал руку Феликсу, которому хватило такта обойтись без сомнительных шуток, облокотился о стойку и оглядел мой мир самым внимательным образом. Это продолжалось долго-долго. Его зелено-голубые глаза медленно скользили по книгам, бокалам, фотографиям на стойке. Потом он остановил свой взгляд на мне, все так же молча. Столько всего всплывало на поверхность: наши ссоры, несколько поцелуев, мое решение, его объяснение в любви, наше расставание. Феликс не смог больше выносить напряжение

и заговорил первым:

– Выпьешь пива, Эдвард?

– У тебя не найдется чего-нибудь покрепче? – спросил тот в ответ.

– Десятилетняя выдержка подойдет?

– Не разбавляй.

– Тебе кофе, Диана?

– С удовольствием, спасибо, Феликс. Сможешь, если понадобится, обслужить клиентов?

– Мне за это зарплату платят! – Он ободряюще подмигнул мне.

Эдвард поблагодарил Феликса и глотнул виски. Я его достаточно хорошо знала, чтобы понимать: если я не начну разговор, он за целый час не произнесет ни слова. К тому же это я просила его прийти.

– Ты, оказывается, выставляешься в Париже?

– Возникла такая возможность.

Он потер глаза, обведенные черными кругами. Откуда эта усталость, которую нельзя не заметить?

– Как у тебя дела?

– Много работаю. А ты?

– У меня все в порядке.

– Вот и хорошо.

Что я могу рассказать о себе? И как разговорить его?

– Джудит? Что у нее слышно?

– Да все по-прежнему.

– В ее жизни появился мужчина?

На такой вопрос он просто обязан среагировать.

– Несколько, – вздохнул он.

Это был неправильный вопрос.

– А Эбби и Джек? Как они себя чувствуют?

На этот раз я, похоже, не ошиблась. Впервые за все время Эдвард попытался избежать моего взгляда. Поскреб подбородок, повертелся на стуле и выудил сигареты из кармана.

– Что случилось, Эдвард?

– С Джеком все в порядке…

– А Эбби?

– Сейчас вернусь.

Он вышел и закурил. Я взяла сигарету и присоединилась к нему.

– Ты тоже не бросила, – с ухмылкой заметил он.

– Не вижу смысла… К тому же мы вроде говорили не о нашем с тобой пристрастии к табаку.

Я встала перед ним.

– Эдвард, посмотри на меня.

Он послушался. Я поняла, что мне предстоит услышать малоприятные новости.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Не волнуйся. Жизнь легка (англ.).

2

В знаменитом фильме “Амели” мать героини погибла оттого, что ей на голову с вершины собора Нотр-Дам свалилась туристка-самоубийца из Канады. (Здесь и далее – прим. перев.)

3

Французский сайт знакомств.

4

Большой парижский универмаг.

5

“Самое большое кабаре” (Le Plus Grand Cabaret du monde) – регулярная развлекательная программа французского телевидения.

6

“Бретонский квартал” – так называют парижский район Монпарнас.

Купить: https://tellnovel.com/anes-marten-lyugan/vlyublennye-v-knigi-ne-spyat-v-odinochestve-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити